

Александр Чечитов

Герман

Александр Александрович Чечитов

Герман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25561964

Аннотация

Судьба порой жестоко играет жизнями людей, точно маленький, капризный ребенок. Одного побьет, другого приласкает и никто не скажет, к кому в следующий раз она повернется спиной. Герман это история многих, в лице одного.

Семь лет усердных занятий в медицинском институте, на стоматологическом факультете пронеслись как один день. По завершении, я по распределению был направлен в исправительную колонию строгого режима, которую обычно называют просто зоной. Тридцать лет были отданы этой работе. Из года в год словно ритуал повторялись одни и те же действия – утренний проход в огромные, скрипучие ворота, узкий коридор стены которого облупились обнажив серый бетон, еще ограждение из колючей стены, ржавые вышки с автоматчиками по периметру, крутая лестница сваренная из широких металлических пластин и наконец, трудовое место. Большой, просторный рабочий кабинет находился на втором этаже, из небольшого, облезлого окошка, сквозь решетку можно было наблюдать тюремный двор. В открывавшемся виде нельзя было найти, ничего особенного. Разнообразие в картину эту могла внести лишь смена времен года. Напротив нашего, стояли однотипные, кирпичные бараки отделенные друг от друга тюремным плацом. Усердно выбеленные, когда то очень давно, порядком потрепанные временем они выглядели крайне печально. Покатые крыши их просев под тяжестью своей, напоминали впалые глаза пожилых, уставших узников – которых закрывали от холодного дождя и палящего летнего зноя. Окна похожие на пустые, беззубые рты – словно костлявые пальцы, прикрывали кривые, железные пруты. Под ними же – тут и там висели разного рода лозунги по задумке начальников – предназначенные

сделать лучше умы арестантов. А между зданий, пожалуй, одно из наиболее желаемых развлечений, прогулочная площадка в форме большой, глубокой каменной тарелки круглой формы, накрытой стальной крышкой перекрестия железа. Тут строго по отведенному времени, осужденные, а их было очень много, могли смотреть сквозь решетку на вольное небо.

Узники, выходили на прогулку не зависимо от погоды, был то ветер, или студёный снег, жара, дождь, гуляя – вспоминали былые дни и надеялись изменить хотя бы не много свою жизнь, когда выйдут. Сразу за ней, примерно в четырех метрах, стояло невысокое, серое здание, но оно в противовес предыдущему – создано для наказания, именуемое штрафным изолятором, сокращенно ШИЗО.

Те, кто пытался бороться с системой, нарушать правила – были здесь, в более суровых условиях. Тюремные казематы можно сравнить с необитаемым островом, потому как чувство одиночества не оставляет, даже не смотря на то что вокруг есть люди, а запах этих мест, трудно было бы с чем либо перепутать, аромат состоящий из смешения светлых надежд и горьких переживаний.

В такой обстановке я отбыл половину своей жизни к этому моменту. Это подходящее выражение, потому, как и заключенные, а их в данном заведении было порядка полторы тысячи, от тридцати до пятидесяти в каждой камере и персонал находятся в общей, давящей тюремной атмосфере,

справедливости ради, надо сказать с несколько разными возможностями.

Сколько прошло через эти стены человеческих судеб не сосчитать. Разное бывало за мою карьеру, сотни различных людских характеров прошли через мой кабинет, а зубы как и судьбы у заключенных, как правило весьма испорчены, где чаще всего как в пустыне не было почти ничего. Тихие, веселые, буйные, некоторые просто плевали в лицо, два раза даже порезали. Но все же они, люди. Кто угодно может осуждать, но не мы. Нельзя на месте врача, делать разделение – этот достоин, другой не очень, незачем унижать их своим пренебрежением – рассуждал я обычно так.

Пятый год службы, крепко засел в памяти. Тогда я остро переживал потерю Валерки, близкого друга, с которым познакомились еще на первом курсе института. Большой крепкий добряк, спортсмен – он кроме учебы, еще выступал за район в толкании ядра. Его молодые, веселые глаза по-прежнему в моем сердце. Воспоминания смутны, обрывочны – тогда алкогольные пары и жаркий июльский вечер заставили наши языки и ноги произвольно заплетаться: после встречи выпускников нашего курса, мы вдвоем распили пару бутылочек. Валерка пошатываясь пошел один домой, в одной из темных подворотен его неоднократно ударили ножом, старания врачей в течение нескольких дней оказались напрасны. Похороны проходили под теплым летним дождем.

Тогда паутина состоящая из нитей апатии и депрессии,

сковала мой дух, тяжело было разумно реагировать даже на элементарные казалось бы вещи.

Чуть позже, в этих сырых, бетонных стенах встретился мне впервые, Герман, чуть выше среднего роста это был хорошо сложенный, сильный парень, тогда ему только исполнилось двадцать семь лет, срок дали большой, первый год из которого он провел в другой колонии и был этапирован в нашу.

Начало осени не подарило прохлады, и в помещениях стояла духота. В тот день, показалось – конвойные ребята вели его словно дикого, затравленного зверя. При их приближении резкий запах пота и крови ударил в нос.

Напряженное, жилистое тело, вздыбленные черные точь-ночь – волосы и холодный, грозный взгляд напоминали волка в человеческом облики. Лицо разбито, веки раздувшись закрыли правый глаз запекшимися кровяными ранами, верхняя губа лопнула, зубы сломаны, да так что осколки вошли в десны. Их и была моя задача привести в максимально достижимый в этих условиях порядок.

Это был третий день Германа в нашем заведении. По прибытии происходит проверка на прочность и в течение первых же минут конфликт с сокамерниками привел к таким плачевным последствиям. К тому моменту когда в камеру ворвалась охрана, все закончилось. В принципе вся отсидка, от звонка до звонка – целое испытание, потому как каждое слово, жест, действие или бездействие не остаются неза-

меченными, все будет положено на чашу весов и согласно внутренним представлениям арестантского общества человек получает отношение, в этом смысле даже на свободе проще поменять статус. Легко здесь двигаться лишь вниз.

Наше знакомство не удалось с самого начала. Могу и тебе поправить физиономию, свинья – Герман заметив взгляд, плюнул в мою сторону.

После чего один из сопровождающих с силой ударил в ногу заключенного.

Это не к чему – обратился я к конвойному – подождите за дверью.

Они раздражённо покачали головой – это против правил. А бить по ногам?

Знал бы ты, доктор кто перед тобой, сам бы его отделал.

Выйдите – добавил я повысив голос.

Они ушли, оставив большую деревянную дверь приоткрытой.

На что жалуешься?

Иди к черту? Он саркастически улыбнулся разбитыми губами – вас надо травить как крыс.

Давай без этого.

Сердце болит – можешь помочь?

Это не ко мне!

На сегодня и тебя хватит, видеть вас не могу уроды, делай уже свое дело.

Во взгляде его пылал гнев, помню, решил пока не задавать

вопросов, удалил часть осколков и Германа увели.

Что могло так ожесточить сердце? трудно представить.

В обеденное время, аромат горячих супов и каши наполнял тюремную столовую – два тех самых конвоира подсели к столу. Лоснящиеся, широкие лица расплылись в самодовольной улыбке, и они начали практиковаться в шутовстве, улюлюкая и громко смеясь. В эту колонию они не так давно были откомандированы и мало кого толком знали.

Завел ты себе интересного друга док – не прожевав еду, с полным ртом протянул первый с ухмылкой.

С нами пытался бодаться, мразь, но мы терпеть не станем, живо бока обломаем – подхватил второй.

Я молча ел, погруженный в свои мысли.

Ожидая ответа, они тоже притихли.

Прошло некоторое время.

Ладно, интеллигент не доделанный, не хочешь говорить не надо – заключил первый – только любимцы твои воры да убийцы и сегодняшний не лучше, но ты давай облизывай их.

Теперь уже они, не обращая на меня внимания, обсуждали свои дела, сгибаясь от смеха и потрясывая животами. Спустя месяц эти двое были уволены, чуть было, не попав за решетку, куда не единожды привозили других.

На первых порах в силу необходимости, Герман часто навещался ко мне. Все так же упорно, сердясь на весь свет. И не удивительно, ведь здесь царили свои законы требовавшие быть подобным, иной раз по жесткости, превосходящие

уличные и не знавшие жалости.

Время шло своим чередом, раны на лице и теле Германа затягивались, но видимо на сердце – они были гораздо глубже. Визиты уже стали реже, но теперь он приходил скорее побеседовать, нежели лечить зубы. А я больше слушал, хотя и самому мне тоже становилось как то легче после этих разговоров. Давая время от времени ему книги, приносил домашней еды и угощал.

Он рассказал про многое, что бабушек и дедушек никогда не видел, о родителях что беспробудно пили, почти не обращая ни какого внимания на полуголодных, кое как одетых него и младшего братишку Колю.

Однажды вернувшись из начальной школы, он семилетний мальчуган застал – гору дымящегося пепла вместо дома, вся семья осталась в том огне. Далее были серые, тоскливые дни детдома, где воспитатели издевались, а то и вовсе избивали, вымещая свои взрослые обиды на детей, не все конечно были такими, но и нескольких хватало, что бы раскрасить жизнь в темные тона.

Затем пора интерната.

Интернат был почти полем боя – говорил Герман: старшие ребята заставляли пить водку младших, попрошайничать, воровать – неподчинение каралось, избивали до крови, знаешь, интернатские не знают пощады – любил повторять он. За нанесенную обиду, будь она настоящей или вымышленной – можно было получить удар ножом в бок, когда, не

ведая забот крепко спишь. Один раз подрался с Васькой, был у нас такой задира. Он пообещал меня зарезать, и это обещание нужно было воспринимать в серьез, так как бывали уже случаи, когда утром кто то не вставал, а простыня оказывалась насквозь пропитана кровью, виновные конечно зачастую даже не отпирались, но разве от того легче, тому кто остался навсегда молодым, такой ценой.

Поэтому до утра не смыкая глаз, с железным прутом пролежал я той ночью в койке – вот как бывало.

Припоминаю, что не спрашивал Германа о причине того как попал сюда, да и сам он обходил этот вопрос стороной. Мне думалось, что мы понимаем друг друга, этого вполне хватало.

Жизнь шла, я встретил хорошую девушку, женился на ней, появились двое сыновей, теперь уже взрослые ребята.

В тюрьме тоже время не стояло на месте. Как птицы, годы быстро пролетали один за другим, почти не оставляя следа.

В один из после новогодних дней, на прием, прихрамывая, зашел Герман одетый в толстую, перештопанную фуфайку, сейчас это был уже пожилой мужчина, в осанке его проглядывала некоторая согбенность, лицо испещрили тяжелые морщины, а голова стала совсем седой. Но все же глаза были, казалось с отблеском того самого огня, мною увиденного двадцать три года назад впервые. За долгие года общения, мы в некотором роде сдружились.

С чем сегодня Герман? – Поздоровавшись первым, спро-

сил я приветливо как всегда.

Старческая грудь грузно поднявшись выдала горький вздох. Прощаться пришел.

Не вижу радости.

Знаешь Макс, (так он называл меня почти с самого начала пребывания в застенках)– мне завтра на свободу.

Как планируешь жить?

Ты смеешься надо мной? Ни кола ни двора, сиделец, с пачкой болячек, годный лишь может для анатомического музея, со слабой ироничной улыбкой заметил он – о какой жизни ты говоришь?

Стиснув мою кисть в рукопожатии – Герман продолжил: благодарствую Макс, среди этого бардака, ты один из не многих кто поддерживал во мне человеческое, не дал утонуть в этой грязи, хотя испачкался я здорово.

Тебе что ни будь нужно?

Нет! И извини за прошлые грехи.

Сколько воды утекло, не будем, жизнь продолжается. У меня ее давно нет Макс, закончилась она еще до того как я попал сюда.

Ты хочешь поговорить об этом?

Да, так думаю мне, будет легче. Ведь поначалу ненавидел тебя, впрочем, лютой ненавистью любого вашего брата. Что бы тебе понять Макс, загляну поглубже в прошлое.

Воздух был полон ароматов расцветающих деревьев, автобус не лениво ехал по городу собирая сонных попутчиков

и я восемнадцатилетний парнишка на нем добирался в военкомат.

Лицо Германа буквально сияло, он прокручивал с удовольствием эти кадры былого.

Вообрази такую картину, в мое не юношеское сознание, проникла девушка ангел. На одной из остановок она вошла, перед самым отправлением, словно долгожданная заря на горизонте после затяжной, темной ночи и отняла сердце навсегда. Немного ниже меня ростом, с виду лет семнадцати, в зеленом платьишке с рисунком больших, желтых цветов, точенная, будто с картины фигурка, голубые, чудесные глаза, рыжие как огонь волосы и главное улыбка. Она не оставила не единого шанса на спасение, душа пропала безвозвратно, я был пленен, обезоружен Макс.

Герман рисовал руками в воздухе формы и образы, живо представляя все что происходило, совершенно забыв о возрасте.

К моей бесконечной радости, мы познакомились, звали ее Маша и училась на первом курсе института, на факультете филологии. Сердце билось, наверное, раза в три быстрее, чем прежде. По-моему я ей тоже понравился, а перед тем как мне уйти в армию, мы стали ходить на свидания.

Родители интеллигенты: папа доцент кафедры истории и мама с какой то там княжеской родословной, были категорически против этой дружбы. Еще бы детдомовский пацан, без роду и племени, а куда метит?! Мне было наплевать на

их мнение, но надо было, считаться с чувствами Маши и я не вступал в конфликт.

Первый год в армии, приходили ко мне регулярно письма, полные тепла, на которое только способно женское сердце, – энергия, чувства, эмоции воплотились в заветную форму, таковыми представлялись эти кусочки бумаги. Но потом, как то резко все прекратилось. В какой мере можно страдать в такой ситуации поймет только тот кто прошел через тоже. Я злился на нее, то на себя теряясь в вопросах о причине произошедшего.

Второй год тянулся мучительно долго, вестей от дорогой мне Маши так и не было.

Первым делом вернувшись в родной город, не снимая солдатского обмундирования я направился к ее дому. Как сейчас помню – то морозное утро, стою, дрожу, будто тысячи ледяных иголок пронизывали пальцы, но продолжал названивать в дверь.

Через час открыла Машина мама, необыкновенно вежливая, на пороге она сообщила, что единственная дочь, вышла замуж уехав очень далеко и тут же захлопнула.

Мои многочисленные попытки найти контакт с Машей, не дали абсолютно ни какого результата.

Словно в бреду проходили, недели, месяца – были они рабочие или праздничные, не имело значения.

В один из таких дней, после работы вечером, как робот я шагал по одной из улиц родного города.

Герман! Окликнул меня женский голос. Боясь поверить в действительность происходящего, резко обернулся. Это была, она! Маша, такая же красивая как прежде, в легком как облако, чудесном сарафане, улыбалась. Мечты прошлого вернулись. Звуки машин, голоса людей, отступили – ничего не существовало, кроме нее.

Она рассказала, что получила пару писем, в которых я отверг ее, и не была замужем, мне же в свою очередь вообще ни одного не пришло. Что было тому причиной не знаю, могу предположить постарались родители.

Мы гуляли по набережной, я все бы отдал что бы остановить ход времени в ту пору. Хотелось целовать ее не останавливаясь, вдыхать аромат духов, слышать звонкий девичий смех, не выпускать из объятий – эти мгновения для меня дороже вечности.

Все произошло с быстротой молнии, с большого городского моста над береговой линией вылетел кирпич, пролетев над нами громко шлепнул по воде, второй описав в воздухе дугу, со страшной силой разбил голову моей Маши, я успел лишь заметить, что бросивший был одет в белое.

Ее дыхание остановилось в моих руках. Бесконечная злость, только это я чувствовал. Не помня себя, побежал по лестнице вверх. В суде прокурор сказал что убил я с особой жестокостью, попутно покалечив подоспевших ментов, произошедшие события смешались в голове, многое я даже не понял как сделал. Повязали через только полгода.

На какое-то время, видимо, что бы собраться с мыслями он замолчал.

Постепенно кулаки сжались, лицо покраснело, а голос задрожал – воспоминания, разгорячили Германа.

Прощай! Не окончив, он нервно заковылял к двери.

Я не смог что-либо ответить ему, смалодушничал, густой, горячий ком подступил к горлу.

В тот самый вечер Герман по прихоти судьбы увидел только Валерку, тогда дурачась и швырнув камни, не задумываясь ни о чем, дойдя до конца моста, мы пошли в разные стороны, не разбирая дороги. Мысль эта душит, не давая покоя. Глупая выходка обернулась бедой, Валерка кидал первым, но попал он в реку, а я одним броском разрушил три жизни.